

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК94(47)''19''

СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО: СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ «КРУГЛЫХ СТОЛОВ» И ЗАСЕДАНИЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ» / ПОД РЕД. П. П. МАРЧЕНЯ И С. Ю. РАЗИНА. М.: ИЗД-ВО ИПОЛИТОВА, 2014. 100 ЭКЗ. – 765 С.

Т. Г. Леонтьева

Тверской государственной университет, кафедра отечественной истории,
г. Тверь, Россия

Автор анализирует содержание сборника статей и материалов «круглых столов», посвященных воздействию крестьянской психологии на становление и утверждение сталинизма. Отмечается, что спектр мнений по данному вопросу достаточно широк. В центре внимания авторов проблема взаимодействия традиционной крестьянской психологии с модернизационными процессами. Особое внимание уделяется сюжетам, связанным с коллективизацией.

Ключевые слова: Сталинизм, крестьянство, традиционализм, коллективизация, модернизация, культ личности, историография

Не секрет, что к 2010-м гг. отечественное крестьяноведение переживало не лучшие времена. В данном случае нет смысла доискиваться до причин недавнего историографического спада. Важно, что исправить положение взялись представители нового поколения исследователей – П. П. Марченя и С. Ю. Разин. Рецензируемое издание – четвертый выпуск ставшего довольно известным теоретического семинара, посвященного роли крестьянства в истории. В текстах, собранных под одной обложкой, отражаются как достижения, так и не вполне преодоленные слабости российского крестьяноведения. Ав-

торский состав также неоднороден: некоторые демонстрируют нечто вроде постмодернистской «раскованности», однако большинство прячется в тени «авторитетов». Все это заметно по разгоревшимся спорам вокруг наиболее волнующих авторов понятий – сталинизм и крестьянство. Оказывается, что чисто научные, казалось бы, споры в значительной степени все еще зависят от неостывших эмоций. По мнению Д. И. Люкшина (Казань), сталинизм – это «одна из величайших мистерий прошедшего века» (С. 124). Что касается крестьянства, то в контексте данного сборника фигура этого

Великого незнакомца¹ напоминает призрак отца Гамлета.

«Несчастье» историка в том, что ему приходится втискивать прошлое в понятия современности. Отсюда опасность «модернизации архаики». Так, А. В. Чертищев (Москва) настаивает на политизированном определении сталинизма: «теория и практика управления всеми сферами жизни общества, основанные на тотальном насилии, тотальном упрощении и тотальной лжи». Что касается крестьянина, то он, по его мнению, не может существовать вне пределов «особой социальной организации – общины». При этом для обоснования этого сомнительного тезиса привлекается авторитет Б. Н. Миронова, которого никак нельзя отнести к числу специалистов-аграрников (С. 224, 227).

С некоторых пор крестьянина-общинника, должно быть, в противовес колхознику, принято идеализировать. На деле, как подчёркивает, В. В. Зверев (Москва), давняя напряженность в крестьянском мире «возникла не на имущественной почве, а из-за расхождения интересов разных поколений, особенно когда наступала пора смены главы большой крестьянской семьи». При этом автор отмечает, что идеализируемый крестьянин-общинник на деле был «записным индивидуалистом» (С. 85, 86). В этой связи можно добавить, что община была для

крестьянина скорее средством, нежели частью образа жизни.

На взаимодействии крестьян со «сталинизмом» сказались их представления о власти вообще. Справедливо утверждение В. В. Зверева, что «территориальная ограниченность крестьянского мира, фокусирование интересов жителей деревни на вопросах сиюминутного существования... вкупе с политической пассивностью действительно превращала их в надежную опору власти» (С. 87). В связи с этим В. В. Бабашкин (Москва), поднимает кардинальный вопрос: «насколько глубоко будущее политическое устройство СССР детерминировано ментальными свойствами огромного большинства людей, населяющих страну» (С. 39)? Действительно, если крестьянство можно рассматривать как своего рода протоэтнос², то почему не представить его *основным* – пусть невольным и непризнанным – субъектом русской истории? Не следует ли исходить из того, что российская (архаично-патерналистская по своей природе) власть (воспринимаемая то сакрально-абсолютной, то номенклатурно-тоталитарной) была ограничена в своих действиях набором некоторых основополагающих для крестьянина постулатов? Крестьянство имплицитно и эксплицитно не могло не воздействовать на *природу*

¹ Термин вошёл в оборот с подачи Т. Шанина и В. П. Данилова. См.: Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.

Velikij neznakomec: krest'jane i fermery v sovremennom mire, M., 1992.

² Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 1016.

Buldakov V. P., Chaos i jetnos. Jetnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg.: uslovija vznikenovenija, hronika, kommentarij, analiz, M., 2010, S. 1016.

власти. И тот факт, что оно, как отмечает Бабашкин, лишь относительно недавно (со столыпинских времен) стало заваливать власть всевозможными предложениями (С. 41–42), в данном случае не имеет принципиального значения. Любая власть в большей или меньшей степени изоморфна традиции, и история русского крестьянства подтверждает это, несмотря на стремление некоторых авторов представить его (как и народ в целом) пассивным объектом деспотических экспериментов.

Представляется, что сказанное отнюдь не противоречит утверждениям И. А. Анфертьева (Москва) о том, что в 1920-е годы многие сельские руководители-коммунисты просто не понимали, в чем состоит суть новой политики в деревне. Но мог ли вообще понять нэп принципиальный противник собственности, для которого состояние «ни кола, ни двора» сделалось нормой (С. 32–33)? Если так, то нэп не мог не провалиться, завершившись коллективизацией – своеобразной пародией на *крестьянский* мир. И здесь возникает вопрос: какова роль крестьянской утопии в формировании и утверждении коммунистического прожектерства в России? Насколько устойчива эта связь? И как могло крестьянство, которое, по мнению Д. И. Люкшина, всегда было склонно учитывать «потребность государства в деревенских ресурсах» (С. 126), осуществлять мысленные «прыжки» от производительно-потребительского прагматизма к запредельной утопии?

В целом материалы сборника наиболее интересны по преимуществу тем, что ставят «непривычные»

вопросы, хотя ответы на них находятся не всегда, а авторы порой остаются в плену устарелых представлений.

Так, В. В. Бабашкин утверждает, что в 1920-е гг. *установилась* «довольно парадоксальная общественная система» (С. 46). Представляется, что в эти годы как раз ничего и не установилось: это был *переходный* период от крестьянской «смуты» к «аграрному деспотизму», который и лежал в основе советской системы. И здесь хочется согласиться с С. А. Есиковым и М. М. Есиковой (Тамбов), которые, в отличие от Д. И. Люкшина, заявившего, что «крестьяне жуировали на вольных НЭПовских хлебах» (С. 125), напомнили, что нэп никогда не был «крестьянским раем» (С. 74). Возможно, состояние внутренней неуверенности крестьянства предопределило слабость его сопротивления коллективизации. Этот вывод косвенно подтверждает В. В. Кулачков (Брянск), относящий «Крестьянский союз» к области воображаемого, а саму его идею называющий плодом «ревности к городу». Правда, явной натяжкой выглядит его заключение о том, что накануне коллективизации крестьянство «смирилось» (С. 107, 111), тем более, что «Крестьянский союз» в значительной степени был плодом страхов большевистского руководства, подогреваемых ОГПУ³.

³ См.: Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 286, 394, 701.

Buldakov V. P., Utopija, agresija, vlast'. Psihosocial'naja dinamika postrevoljucionnogo vremena. Rossija, 1920–1930 gg., M., 2012, S. 286, 394, 701.

Плодотворность обновленного взгляда на крестьянство, безусловно, связана с проблемой источников. Имеется в виду не просто пополнение источниковой базы, а умение по-новому взглянуть на уже известные документы. Вряд ли продуктивно представлять советское крестьянство исключительно «объектом социального конструирования» (О. А. Сухова, Пенза) полагая, что только на материалах Архива президента РФ возможно раскрыть суть столь сложного процесса. Тем более, что приводимые в статье документы не столь однозначны. Так, крестьяне, жалуясь на «контрреволюцию» и «вредительство», не просто прибегали к обычной для них «социальной мимикрии» (С. 218) (вполне традиционной во взаимоотношениях с «баринном»), а скорее «сигнализировали» о не менее привычном самоуправстве начальства, действующими вразрез со «справедливостью» и крестьянскими идеалами.

Из статьи Н. В. Липатовой и Л. В. Игнатовой (Ульяновск) видно, что коллективизированная деревня вместе с низовым руководством пребывала в смятении и разобщенности, не зная под каким лозунгом сопротивляться (С. 116). По мнению Н. Р. Романец (Кривой Рог), насилие стало восприниматься крестьянами как норма и потому они использовали по преимуществу пассивные протестные практики (С. 176). А В. П. Николашин (Мичуринск) привел ряд конкретных фактов бессилия разраставшегося административного аппарата в борьбе с «произволом и безнаказанностью в своих же собственных рядах» (С. 158). Как неоднократно от-

мечали современные исследователи, социальный хаос в России всегда приводил не только не самоорганизации снизу, сколько к реанимации надежд на высшую власть.

Правда, В. Я. Романченко (Саратов) считает, что крестьянство само было «проводником, участником насильственных действий» в Великой Русской революции. Вероятно, имеется в виду, что в период коллективизации крестьянство само спровоцировало виток правительственных репрессий (С. 183), а насилие «сверху» в России, так или иначе связано с агрессивностью «низов».

В связи с этим возникает вопрос, в каких социальных параметрах идентифицировать советского колхозника? В. А. Бондарев (Новочеркасск) считает, что это было «тяглово-податное сословие», или квазисословие (С. 50). Насколько это справедливо? Вероятно, поскольку мы до сих пор имеем в России дело с традиционным обществом, постольку использование концептов, относящихся к Средневековью, будет достаточно адекватным. Но все же это квази/сословие было задумано как нечто «саморазрушающееся». Оно призвано было поставлять не только средства для индустриализации, но и рабочую силу (С. 55–56). Осуществляя этот план, большевики не замечали, что рубят сук, на котором сидят. Не случайно в 1946–1947 гг., как показал А. И. Шевельков (Коломна), им пришлось поступать с колхозами так же, как в 1929 г. с придерживающей зерно общиной (С. 243, 248–249).

Кое-кто из авторов, так или иначе, пытается преуменьшить роль коллективизации в исторической

судьбе крестьянства. Так, А. В. Михайлюк (Днепропетровск) подчеркивает, что «курс большевиков... стал своего рода продолжением политики... правительства царской России», хотя «аграрный деспотизм» при новом режиме «приобрел несколько иную окраску» (С. 149). В. В. Кондрашин (Пенза) (явно в противовес тенденциозным представлениям о намеренном голодоморе) тоже «перегнул палку». По его представлениям, голод 1932–1933 гг. был продолжением антикрестьянской дореволюционной политики, а представление об особом украинском «голодоморе» – это, по преимуществу, идеологический продукт «холодной войны». При этом коллективизация «при всей своей утопичности... оказалась ближе советскому крестьянству, по сравнению с рыночными идеалами П. А. Столыпина» (С. 102).

Прозвучала в сборнике и уже почти позабытая тема «альтернатив». Так, В. П. Николашин утверждает, что в период коллективизации «власть, отказавшись от либеральных и центристских альтернатив, осознанно шла по пути превращения государства в масштабный производственный механизм» (С. 164), Н. А. Серогодский (Славянск-на-Кубани) пытается убедить читателя, что «альтернатива Бухарина была» (С. 196). Однако, авторы не поясняют, кто мог бы воплотить данные «альтернативы» в жизнь на местах.

Сборник назван «Сталинизм и крестьянство», но о самом крестьянстве говорится куда меньше, чем о сталинизме. При этом почему-то не используется известный сборник документов, содержащих немало

информации именно по данным вопросам⁴. Говоря о проблемах сталинизма, авторы не смогли выйти из навязанного Сталиным дискурса коллективизации, которая, по словам А. В. Михайлюка, упорно оценивается в парадигме модернизации (С. 143, 152–153). Так, В. Я. Романченко пишет о «сталинской форсированной модернизации», уверяя при этом, что крестьянство сыграло немаловажную роль в формировании культа личности Сталина (С. 185, 191). В данном случае, представляется, что утверждение культа Сталина связано с «конформизмом обессиленных» (как социально, так и духовно) – именно в таком положении оказалось крестьянство в 1930-е гг.⁵

Тексты статей занимают лишь около трети объёма рецензируемого сборника. Помимо них опубликованы стенограммы четырёх круглых столов, посвящённых истории крестьянства, где представлен куда больший круг участников. Совершенно очевидно, что для будущего историографа они представят не меньший интерес, чем статьи.

Положительно оценивая творческие усилия всех авторов, хотелось бы отметить и досадные недо-

⁴ См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001–2008. Т. 1–8.

«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.), М., 2001–2008, Т. 1–8.

⁵ Кедров Н. Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М., 2013. С. 137–158.

Kedrov N. G., Lapti stalinizma. Politicheskoe soznanie krest'janstva Russkogo Severa v 1930-e gody, М., 2013, S. 137–158.

статки, допущенные составителями сборника. Так, авторы почему-то размещены в алфавитном порядке, а не соответственно тематике статей. В оглавлении блок, содержащий статьи, не отделён от стенограмм круглых столов. Слишком много места уделено всевозможным перечням – организаций, представители которых приняли участие в сборнике, научных «регалий» и сопутствующих публикаций авторов.

Список литературы:

1. Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010.
2. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012.
3. Кедров Н. Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М., 2013.

STALINISM AND THE PEASANTRY: A COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS «ROUND TABLE» AND A MEETING OF THE THEORETICAL SEMINAR «THE PEASANT QUESTION IN RUSSIAN AND WORLD HISTORY» / ED. P. P. MARCHENYA AND S. Y. RAZIN. M.: PUBLISHING IPPOLITOV, 2014.

Tatiana G. Leontieva

The Tver' State University, the Dept of Russian History, Tver', Russia

The author analyzes the content of a collection of articles and materials «round tables» on the impact of peasant psychology on the formation and approval of Stalinism. It is noted that the range of opinions on this question is quite broad. The authors focus on the problem of interaction of traditional peasant psychology of the modernization process. Special attention is paid to subjects linked with collectivization.

Keywords: *Stalinism, peasantry, traditionalism, collectivization, modernization, cult of personality, historiography.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31б), e-mail:kroneko@mail.ru

About the author:

LEONT'IEVA Tat'yana Gennad'evna – The Doctor of History, The Professor, The Dept of Russian History, The Tver State University, (Russia, 170100, Tver', Trehsvyatskaya St., 16/31), e-mail: kroneko@mail.ru

References

- Buldačkov V. P., Хаос i jetnos. Jetnicheskie konflikty v Rossii, 1917–1918 gg.: uslovija vznikovenija, hronika, kommentarij, analiz, M., 2010.
- Buldačkov V. P., Utopija, agressija, vlast'. Psihosocial'naja dinamika postrevoljucionnogo vremeni. Rossija, 1920–1930 gg., M., 2012.
- Kedrov N. G., Lapti stalinizma. Politicheskoe soznanie krest'janstva Russkogo Severa v 1930-e gody, M., 2013.

Статья поступила в редакцию 10.08.2014 г.